

Аркадий Застырец

Онейрокритикон

Аркадий Застырец Онейрокритикон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051141

Онейрокритикон:

ISBN 978-5-91627-035-8

Аннотация

Новая книга Аркадия Застырца – сборник стихов, как публиковавшихся ранее, так и не публиковавшихся никогда. Впервые, после четырех поэтических книг с полностью новым и оригинальным содержанием, вдохновленный возможностью нанизать стихи на тематическую нить сновидения автор выстраивает ретроспективу, соединяющую самое начало его творчества с тем, что написано буквально на днях. Знать имя поэта из Екатеринбурга Аркадия Застырца, по мнению «Русского Гулливера», для любителей поэзии просто необходимо.

Содержание

«Я слышу времени излишек...»	5
1	21
Банный день	21
Старый дом	23
Керчь	24
«Мы ждали ёлки, Рождества...»	25
Знаменитый Гирландайо	26
Знаменитый Тициан	27
Знаменитый Коро	28
Знаменитый Вермеер	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аркадий Застырец Онейрокритикон

Об авторе

Аркадий Застырец родился в 1959 г. в Свердловске. Окончив философский факультет УрГУ, преподавал историю и обществоведение в средней школе. Работал корреспондентом и редактором в периодических изданиях Екатеринбурга. Сегодня – редактор книжного издательства.

Застырец известен не только как поэт («Пентаграммы», «Волишебник, Отшельник и Шут», «Deus Ex Machina»; «Вихри тепла»), но и как переводчик с французского и старофранцузского (Фр. Вийон. Прощание. Завещание. Стихотворения. Екатеринбург, 1994 г.), английского, словенского. Он автор книг прозы «Я просто Пушкин» и «Materies». Его современная мистерия «Фауст навсегда» несколько лет с успехом идет на сцене Свердловского академического театра драмы, а эксцентрическая комедия «Гамлет» послужила основой либретто оперы Владимира Кобекина «Гамлет, принц датский, трагедия российская», поставленной в Театре имени К.С. Станиславского.

С творчеством Застырца можно познакомиться в Интернете: <http://zastirez1.livejournal.com>.

«Я слышу времени излишек...»

В зрелом возрасте больше всего мы грешим на то, что любили в молодости. Авторы, музыкальные ансамбли, дамы – вы вырастаем из этого – и смотрим на предметы нашего обожания свысока. Такое может происходить и со стихами старинных друзей, но правила для того и существуют, чтобы из них находились исключения. Я не вдаюсь в крайности, но стихи, полученные на днях от друга, утвердили меня в догадке, что в отечестве моем с поэзией все нормально. Стихи Аркадия Застыльца застали меня врасплох, напомнили о совместной начальной поре, духовной родине, компании, в которой когда-то зарождалось то, что я пишу сегодня. Я даже не подозревал, что связи эти сохранились, и, если приглядеться, даже упрочились – пусть меня и не было в Екатеринбурге двенадцать лет. Прошлое всегда рядом: оно движется параллельно нашему движению, зачерпывает настоящее или само растворяется в нем. Идеи линейного времени я уже давно не приветствую. И чудо возвращения всегда неожиданно: на этот раз оно случилось благодаря присланным стихам и встрече с поэтом по имени Аркадий Застырец, известным мне, и неизвестным...

«Мы с тобой задремали в пути,
Отпустили нечаянно вожжи

И оставили лошадь брести
Через поле в тиши бездорожья.

...

За падением следовал взмах,
А когда накренило телегу,
Нам приснилось, что в синих плащах
Мы шагаем по первому снегу.».

Возможно, что-то подобное произошло и с нами, но в разных полях, и на разных подводах. Я очарован этими стихами – и не боюсь ностальгических вздохов. Тексты Аркадия обладают некоторым почти забытым свойством, «щемящей трогательностью». Это несомненное достоинство родной речи прижилось когда-то с нашептанным «неужели я настоящий и действительно смерть придет» и постепенно затерялось в гуле более самоуверенных голосов. Эти пронзительности не выдумываются, а как бы наговариваются, это шепот, детский шепот. Творчество Застыльца на такие обмолвки и шепоты крайне щедро. «Где плакал на дереве старый скворец. И слёзы ронял на песок...», «Жара приходит из Алжира. Тебе ли этого не знать», «Заплачешь – а Бог успокоит...Поднимешь – а чаша пуста...», «Прощание с чахлой землёю, Дождинка висит на носу...», «А в руках – пасхальное яичко, да шафранный ломоть кулича», «По снегу шагнув босиком в колокольной рубахе.» Эти детали мо-

гут быть интонационные, или изобразительные, но они, на мой взгляд, составляют основу текстов Застыльца – именно среди этих вещей и живет его добросердечная философия, и юмор, и жизнеутверждающий лиризм, и праведный гнев, о котором мы поговорим позже.

Онейрокритикон (иначе онейрокритика) – так автор назвал свою книгу – по-русски означает «Сонник», толковник сновидений. Наиболее известное произведение в этом жанре – одноименный трактат Артемидора, лидийского стоика, собравшего все распространенные в его время (вторая пол. II века н.э.) верования, касающиеся пророческого смысла сновидений. Почерпнутые из этого трактата сведения и вдохновение использовали в своем творчестве и Зигмунд Фрейд, и Алексей Ремизов, и даже Даниил Хармс. Идеальное название для сборника стихотворений: звучит загадочно, немного помедицински, чуть отсылает к «декамерону», а будучи свободом снов, может быть чем угодно произвольным. Определение сна – вещь расплывчатая: вот, привиделось. Не люблю расплывчатых вещей.

Аркадий говорит, что его первое «стихотворение» было по существу изложением чрезвычайно яркого и необычного сновидения. И с тех пор он время от времени возвращается к этому «методу», и даже считает, что механизмы поэтического творчества и сновидения во многом совпадают. Мне трудно судить – управлением снами я не овладел, хотя догадываюсь, что оно возможно. Сны не являются для меня

главными источниками информации и получения материала для творчества, но, как мне думается, и в них можно найти все для поэзии необходимое:

«Всё, верно, там – в крамольной тишине,
В белье твоём, духах, губной помаде,
В высокой заколдованной ограде,
Во сне, моя любовь, во сне, во сне...»

Управление снами – опыт не европейской культуры, но, на, мой взгляд, одной из задач поэзии на сегодняшний момент и является преодоление этноцентризма, начатого еще со времен Геродота и Гомера. Признание множественности цивилизаций – не жест одного мгновения: бремя белого человека вросло нам в кожу. Полезно хотя бы то, что мы догадываемся о необходимости расширения нашего сознания. Ключевым моментом в овладении сном, является умение увидеть самого себя спящим во сне. В это мгновение две реальности (сна и бодрствования) смотрят друг на друга, человек как бы видит себя в зеркале, а изображение в зеркале видит человека, и они смешались, перестали понимать, где одно, а где другое. Две реальности «пересеклись». Предлагаемая Карлосом Кастанедой теория не просто расширяет представления о реальности, но и смешивает объективное и субъективное, производя их «рокировку». В случае стихосложения так же важно: текст, условно говоря, принадлежит не только автору:

«Но вовсе тут нету тугой геометрии плаца,
На миг возле неба гранитные оползни стали,
Не больно, поверь, и до смерти на грани остаться
И встретить конец, удивляясь, как в самом начале».

Самым известным стихотворением Аркадия моей молодости был и поныне остался любимым «Нафталин», несомненный шедевр сомнамбулистического видения, гирлянда интонаций и точных метафизических метафор. Его-то он, по своему признанию, и написал, словно во сне. Многие пытались трактовать этот текст, сходясь на том, что это и есть определение поэзии. Под Франсуа подразумевали поэта Вийона, которого Аркадий блестяще перевел со старо-французского. Мне казалось, что просто красиво, удивительно красиво и изящно сделано. С намеком на недостижимый полет и глубину. Шикарное стихотворение.

Табарен говорил: «Нафталин – это шар;
в глубине сундука ядовит он и светел»
Со слезами во рту Франсуа возражал:
«Нафталин это Бог, нафталин это ветер!»

Не полуночный шаг и беспечный ночлег,
Не настой водяной на серебряных ложках,
Не больной, не апрельский, не сумрачный снег
За булыжной стеной на садовых дорожках.

Стихотворение для русской просодии во многих отношениях нетрадиционное (один обвал отрицаний «не жестокий, не твой, не отрекшийся друг» сколького стоит!), оно, тем не менее, вписалось в контекст конца 80-х, начала 90-х прочно, органично. Люди почувствовали его странную, загадочную энергию, явно превышающую уровень абсурдистского куража. Я помню лица слушателей в зале, повторяющих вслед автору, волшебные слова заклинания. Успех поистине рок-н-рольный! А ведь сложные стихи. Чего только не бывает в родном отечестве. Остается лишь печально вздохнуть, что впоследствии победила другая поэзия: более энергичная, и неумная. Впрочем, «Нафталин» остался!

Мы переводили его с Саймоном Петиттом в Нью-Йорке для фестиваля «New Freedoms» в 1994 году: мое еще не вызревшее византийство вошло в клинч с дидактичным протестантизмом Саймона. Это было скорее страшиновато, чем смешно... «Почему слезы во рту?», «Водяной настой, это как? Может, спиртовой?» «Стеклянный озноб, это как?» «Вообще, кто такие эти люди?», «О чем они спорят?» Что такое «нафталин» Саймон так и не смог понять. Жаль. Все так просто. «Нафталин это – бог, нафталин это – ветер».

Мне приятно видеть в этом сборнике стихи, посвященные нашим друзьям той веселой поры: на фестиваль «New Freedoms-94» Аркадий приезжал вместе с Сергеем Курехиным, Иваном Ждановым, Ниной Искренко, Д.А. Приговым, В. Курицыным, А. Драгомощенко. Смерть еще не успела со-

братъ свой первый и второй урожай: казалось, мы будем жить вечно. Как минимум, на фотках тех лет мы выглядим с претензией на это. Работа на грани яви и сна предполагает «расфокусировку зрения», позволяющую избавиться от рефлексий и «внутреннего диалога». Все это Дон Хуан называет «путем воина». «Развитие человека по «пути воина» означает, что человек должен стремиться принимать все, что происходит, как данное – иначе говоря, смиренно. Но эта смиренность не есть покорность: воин воспринимает происходящее как брошенный ему вызов, и на этот вызов он должен ответить наилучшим образом. Важнейшая черта поведения воина: он рассматривает себя как бы умершим, ему нечего терять. От своих действий воин не ожидает для себя наград (пример упражнений, которые дон Хуан предлагал Карлосу для выработки этого качества, регулярное совершение бессмысленных действий типа переметания мусора из угла в угол, перекладывание дров и т. п.). Что бы ни случилось, воин действует так, как будто ничего не случилось. При этом он оставляет свободу действия и за другими, полагая их такими же неуязвимыми, как и он сам. Секрет воина состоит в том, что он верит не веря. Особенно это важно в те моменты, когда оказывается, что мир не таков, каким его представляет наше описание. Как пишет Кастанеда, «воин входит в неизвестное с чувством радости, веселья и абсолютной свободы»¹. Множество подоб-

¹ Карлос Кастанеда. Комментарии к важнейшим понятиям из «Путешествия в

ных установок я встречал в дальневосточной традиции, к которой сейчас присматриваюсь. Все древнее знание разлито из одной чаши и невероятно полезно и для поэзии и для поэта. На смерть Сергея Курехина Аркадий пишет «Кольбельную для принца»:

*«Усни, мой принц, усни. Венеция с тобой.
Начертан долгий путь до Басры и Багдада.
Уложен груз в ларцы с обивкой голубой —
В прохладной глубине заполненного склада.*

*С тобою добрый меч и честные весы,
Каирский амулет под чистою рубахой.
В гербе фамильном – три косые полосы
И белый мантикор над попанною плахой».*

Такое вот романтическое прочтение... Оно тем более пронзительно, поскольку Сергей Анатольевич Курехин – кроме щеголя и шалуна, был к тому же яростным, принципиальным человеком. Борцом за свободу. Одним из немногих, кто знал, что эта самая свобода есть на самом деле. И что она не имеет ничего общего с той бодягой, к которой нас уже двадцать лет пытаются приучить в эфире. Мне кажется, что мы, потеряв этого Принца, постыдно растерялись, разобищались, отдав врагу наши города и стойбища. Что мы упустили момент, не накопив достаточных

сил, чтобы воспользоваться новым. Процесс взаимоперетекания существует не только между сном и явью, но и между жизнью и смертью. Никому из нас пока что не пристало праздновать победу, или оплакивать поражение. Человек знания преодолевает разногласие рассудка и тела. Обратной стороной этого знания является приобретение личной силы и использование сил, скрывающихся за внешней данностью мира (Кастанеда называет эти силы помощниками). Продвижение по пути знания делает воина магом, умеющим объяснять знание как интеллектуально, так и демонстрируя новое видение мира. Демонстрация – важный момент объяснения магов. Специфика демонстрации, согласно объяснению магов, в том, что внимание ученика выводится за границы мира и он становится наблюдателем того, что с точки зрения обычных представлений о мире невозможно («беседа» с койотом – степным волком как понимание его намерений; мгновенное изменение местоположения; наблюдение сил союзников и т.п.). При этом вопрос, было ли наблюдаемое на самом деле, как утверждал дон Хуан, учитель Кастанеды, является бессмысленным, ибо здесь все зависит от позиции наблюдателя.

И только сон на зимнем сеновале
Разносит в брызги правильный гранит,
И милостиво ставит нас в начале,
Под занавесом плачущих навзрыд.

И только сон ведёт по солнцепёку,
Смывая время тёплым молоком,
На палубу к остывшему востоку,
Под паруса с малиновым флажком.

Многие тексты, собранные в этой книге можно отнести к «снам о культуре». Прекрасно знающий живопись, музыку, драматургию, Застырец, обращает наше внимание на то, что он любит, как бы призывая полюбить вместе с ним. Как ни верти, но современный мир не только арена борьбы добрых духов со злыми, но и – музей (хорошо это, или плохо, но это так). И Аркадий – благодарный посетитель этого музея, внимательный слушатель.

«Мне кажется, что быть не может, нет
От кисти следа тоньше и точнее.
Здесь тишину взрывает красный цвет
И от восторга руки коченеют».

или

«В жемчужине ожившей нет изъяна!
Досады ради в тяжкую парчу
Ее припрятал гений Тициана
И не дал воли чуткому плечу».

Чудные картинки с выставки в духе романтической поэзии прошлого и позапрошлого веков: такие вещи украша-

ют наш скромный постсоветский быт, а связь с традицией намекает на то, что, может, она и не прерывалась. Коро, Вермеер, Давид, Джорджоне, – автор хорошо погулял по европейским музеям и внес их дыхание в свой мир с «бюстом Наполеона», «яблочным пирогом», «малиновыми шторами». Аркадий – поэт быта, быта строгого, вещественного, обозначенного функционально, он – поэт со своим рабочим кабинетом, что, на мой взгляд, говорит о многом.

«Помстившаяся новою сноровка
С рождения заложена в ладонь,
И тем нежней ручная полировка,
Чем беспощадней внутренний огонь».

В кабинете иногда перелистываются исторические страницы: «Лезут пластырем в окна латинские глупые буквы, словно бредит Тифлис побиральной цыганской сумой», «Застенчивый корнет поодаль Перемышля читает, став на свет, японские трёхстишья», «Меж залитых тушью созвездий Венера – как спичка в шкафу, И пьянствуют в тёплом подъезде два друга – Ли Бо и Ду Фу», «И каждую полночь слышна по дороге часами гудящая башина Кремля, и Сталин стоит на высоком пороге, без усталости мчатся на север веля», «Как Дед Мороз без бороды, с привычного плаката, тов. Брежнев радостно сулит обильные дары. Нам отпускают шоколад совковой лопатой И грузят в полиэтилен зеркальные шары». «Голос Америки» слушал, развесив антенну, му-

зыка ради, а всё остальное – в придачу. Пищу ночами искал в холодильнике тёщи – наш-то сперва пустовал, возвышаясь поодаль....» Со всепобеждающей иронией, без болезненного диссидентства, о наболевшем и родном – Застырец так умеет. В случае необходимости – он профессиональный эстрадный исполнитель. Цитируя сейчас эти четверостишия, поймал себя на мысли, что помню многие из них наизусть. Запоминаемость поэзии Застырца – также отличительная и несомненно положительная черта.

В книге много стихов, посвященных нашим общим друзьям – Александру Калужскому, Марине Темкиной, Роману Тягунову, Вячеславу Курицину, Ивану Жданову. Свидетелем внутренних сюжетов, стоящих за ними, как мне кажется, когда-то был и я сам:

«Не Жданову ль мы с Курицыным водки
Плеснули в одноразовый стакан?
И стих пробил, как молния, короткий:
«По-моему, под нами океан...»

По-моему, под нами океан.»

Застырец не интересуется мистические недоговоренности, если некоторые стихи причудливы как готические gobelens, то иные, наоборот прямолинейны и дерзки:

Сквозь осени воздух

доносится песня трамвая:
Он выкусил оси
в своих параллельных оковах —
И просится, сволочь,
лишь изредка переставая,
Из древних моих сновидений
во внутренность новых.

Книга состоит из двух частей. В первой собраны стихи многолетней давности, ее можно было бы назвать «Вчера». А вторую – с соответствующим содержанием – «Сегодня» (но для такой маленькой книги названия частей – невыносимый груз). Аркадий поясняет: «Это простое деление – не только дань хронологическому порядку, оно еще и отражает место, занимаемое сновидением в нашей жизни – между прожитым и как бы уже не существующим и едва наступившим, забрезжившим новым днем. Между замиранием, в котором мы склонны видеть прообраз смерти, и оживленным рассказом наяву о том, что мерещилось в «пограничье миров».

В основном, это городские стихи (городские сны) – так что мои аллюзии на Кастанеду могут показаться немного натянутыми. Старый город, советский конструктивизм, опорный край державы, уральские пельмени, часы на старой башне, исторический сквер, маленький памятник Павлику Морозову, облупившиеся ворота в парк Маяковского. Сладкая ностальгия – я запомнил город таким. «В голубых

от времени портретах стены обреченные стоят». Там автор может себя позволить и беспечно сообщить: «я лёжа слышу времени излишек и щурюсь на лохматые лучи». «Где улица, зима и лес вокруг? брожения в умах и разговорах?» «И даже холопам безверья изношенной мысли взамен пожалуют чистые перья...» В русский пейзаж, будь он городской, будь сельский, исподволь проникает Пушкин – Застырец никогда не скрывал своей приязни к этому поэту, причем ценил не столько стиль, сколько гармонически-гедоническое мировоззрение.

По мере продвижения по книге голос автора становится все строже, увереннее, неукротимей. Это не просто толкование сновидений, это – почти руководство к действию, где позиция пишущего ясна и однозначна.

Пространству до лампочки?
Ну же, Иосиф, колись!
Молчание призрака, впрочем, —
как речь гегемона.
Молчи, если хочешь,
а если не хочешь – молись.
Не Богу, конечно, —
второму закону Ньютона.

А я и не помню,
где первый теперь, где второй:
Я знание предал —

да ну его на фиг – народу.
Ведь знание – сила.
А то, что оно – геморрой,
С тобою ушло
под венерину грязную воду.

Времена «звуков сладких и молитв» подходят к концу. Сон сливается с явью. Богоискательство с богооставленностью. Сонник превращается в разбор полетов. Заклинание в «Даре Орла» подтверждает сказанное: «Я отдан силе, которая управляет моей судьбой. Я ни к чему не привязан, поэтому мне нечего защищать: у меня нет мыслей, поэтому я вижу, я ничего не боюсь, поэтому помню себя. Отрепленный и раскрепощенный, я промчусь мимо Орла, чтобы быть свободным».

Небу обычно и впрямь – до земных ли морок?
Вроде бы ясен огонь основных откровений...
Но широка и вода Богоданных сомнений —
Как бы её одолеть-то в отпущенный срок?

Благодарю и за всякий попутный пустяк —
Запах бумаги, весны нерешительный холод...
Ради чего от Тебя я так больно отколол?
Ради каких мимолётных по-всякому благ?

Нелепый литературный централизм, установившийся в нашей державе, искажает картину поэтического мира, но

вряд ли в силах ее изменить. Столицы живут своей жизнью, провинция своей. Поэзия, тем не менее, в пространстве ноосферы едина. О кризисе в поэзии или, наоборот, о ее рассвете говорить не стоит. По преимуществу, она слаба, вторична, остаточна, лишена связи с тайной бытия и центром мира. Нащупайте эту связь, и поэзия обретет силу. Я скажу даже большее. На мой взгляд, поэзия Гомера, Вергилия, Данте или Горация кроме множества эстетических преимуществ, обладала и государственно-образующей силой. При сильной поэзии возникает сильное государство, а не наоборот. И не о партийности я, и не о народности. Я о невероятной энергии, которой может обладать поэтическое слово. То слово, которое может «склеить двух столетий позвонки». Для меня неудивительно, что эта государственно-образующая поэзия может возникать в таких местах силы, как

Рифейские горы. Урал – опорный край державы. Этого никто не отменял. И поэзия Аркадия Застырца один из примеров этой опоры.

Вадим Месяц, Ясенево, 23 окт. 09 г.

... Ибо художество есть оплотневшее
сновидение.

о. Павел Флоренский

Баннѝй день

Я тобой одной пропитан,
Как мочалка – белой пеной
В сонный, ленный, златостенный
Деревенский баннѝй день.
Накрахмалены и сбиты,
Пахнут жареной картошкой
На сухих дровах дорожки
Полотенец и простынь.

А пока бегу к колодцу,
Утро ночью обернѝтся.
Ночь возьмѝт в кулак и спрячет:
Нету, нету – не иначе,
Спрячет баньку, спрячет дом.
Чуть весѝлые от водки,
Глянем в избу к доброй тѝтке,
Дунем в окна огоньком.
Посидим, пригубим бражку,
Да грибочек-замарашку —
С вилки в зубы. Дай вам Бог!
Слышу «кушайте» и вздох.

Дверь всплакнёт – тепло повалит.
Выйду, мусля сигарету,
Отпущу гулять по ветру
Хмеля банного пожар.
Чёрт храпит на сеновале,
А быку щекочут ноздри
Звёзд развесистые грозди,
И в хлеву холодный пар.

Я тобой одной пропитан,
Словно леса рванный ритм —
Белым светом и землёй,
Словно ночи – зрячей тьмой

Старый дом

Чёрные слепые коридоры
Тянутся к раскрытому окну.
Отогну малиновые шторы
И на скрип решительно шагну.

Покаянной памяти примета,
Времени разодранного яд —
В голубых от времени портретах
Стены обречённые стоят.

На комод, полон слёз и звона,
В колотые вставлен зеркала
Трёхдюймовый бюст Наполеона
Тёмно-бирюзового стекла.

В старый дом — любовная привычка —
Постучать, услышать гром ключа...
А в руках — пасхальное яичко
Да шафранный ломоть кулича.

Керчь

Ты шла по морю, мелью. Сна медуза
Сквозь грохот порта, уханье снастей
Плыла к тебе. Из всех моих страстей —
Ты страсть, из всех обуз – обуза,
Горячая муть существования!
Зуб на зуб у меня не попадал,
Когда в ответ на птицыны страдания
Кудрявый мальчик в тяжкий клюв совал
Свой пляжный коржик. Птица умирала,
Крылом укрыв коричневую кровь...
Так было обозначено начало
И двух морей набухшая любовь.

«Мы ждали ёлки, Рождества...»

Мы ждали ёлки, Рождества,
Братаний, вольных хороводов,
И с фейерверком торжества,
И с доброй вестью скороходов.

Мы ждали ласковых гостей —
Сотрудников судьбы счастливой,
И в водах тёмного залива
Парада белых кораблей.

И на сияющем пороге
Мы ждали от южан подмоги
И скатертью накрыли стол.

Мы ждали чуда неземного,
Мы ждали князя Трубецкого,
Но князь на площадь не пришел.

Знаменитый Гирландайо

Мне кажется, что быть не может, нет
От кисти следа тоньше и точнее.
Здесь тишину взрывает красный цвет
И от восторга руки коченеют.

Печалась о таком, не говорят.
Здесь нет людей – они столпились рядом,
И каждый, поглядев, отводит взгляд:
Проём окна открыт смущённым взглядам.

Дорога вьётся, дерево растёт,
Белёсый горизонта разворот
Внушает, что конец пути не близко...

И правда – у подножия река,
Скалы вершина дивно высока,
Но в то же время вот она, так низко.

Знаменитый Тициан

В жемчужине ожившей нет изъяна!
Досады ради в тяжкую парчу
Её припрятал гений Тициана
И не дал воли чуткому плечу.

Стянул в корсет нетроганные груди,
Лицо обставил гирьками серёг,
И сделав вид, что взоры остерёг,
Закрыв пути рассудку и остуде.

Гляди в глаза, святая простота!
В её глазах трепещет нагота
И любопытство прячется девичье.

Здесь жизни завязь держит на весу
Ребёнок, заблудившийся в лесу,
Здесь искушенья тёмное величье.

Знаменитый Коро

Я это утро вижу как живое,
Но ничего поделать не могу:
Я – дерево, сухое и кривое,
У озера на мягком берегу,

Где бабочки запутались с цветами,
Местами Бог, местами молоко,
И небо – отзываясь голосами —
На кончиках, воздетых высоко.

Соперник мой, отростки простирая,
Молчит и зреет, силой налитой,
Он встретит грудью полдень золотой
И тенью скроет изгнанных из рая...

Но это будет после, а пока
Меня ласкает детская рука.

Знаменитый Вермеер

Подглядывать мы любим, спору нет.
Он просто отодвинул занавеску,
Как только вышла девушка на свет,
Вручив причёску солнечному блеску.

Прозрачный звон оконного стекла,
Её отобразив, тебя не встретил.
Она глотает слёзы – ты заметил?
Не выбраться из этого узла.

«Вермеер» и звучит почти как «вор»,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.